

Кустова Л. С.

**КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ, ОТРАЖАЮЩИХ
ВЗАИМООТНОШЕНИЯ И ОТНОШЕНИЕ К ЖИЗНИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ИМУЩИХ СОСЛОВИЙ И
ПРОСТОНАРОДЬЯ В ПЬЕСЕ А. Н. ОСТРОВСКОГО "ГРЕХ ДА БЕДА НА КОГО НЕ ЖИВЕТ"**

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2007/3-2/39.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2007. № 3 (3): в 3-х ч. Ч. II. С. 106-107. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2007/3-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ, ОТРАЖАЮЩИХ
ВЗАИМООТНОШЕНИЯ И ОТНОШЕНИЕ К ЖИЗНИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ИМУЩИХ СОСЛОВИЙ
И ПРОСТОНАРОДЬЯ В ПЬЕСЕ А. Н. ОСТРОВСКОГО «ГРЕХ ДА БЕДА НА КОГО НЕ ЖИВЕТ»

Кустова Л. С.

Костромской государственной университет им. Н. А. Некрасова

Проблема взаимоотношения людей разных сословий, влияние сословной принадлежности на взгляды и устремления человека, являясь одной из центральных в драматургии А. Н. Островского, находит яркое вербальное выражение в пьесе «Грех да беда на кого не живет» посредством фразеологии. Фразеологические единицы (ФЕ), вступающие в непосредственные парадигматические и синтагматические связи, образуют семантические поля, реализуя в пьесе концептуальное содержание, наиболее полно отражающее сущность данной проблемы.

Согласно толкованию С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой само слово «народность» связывается с духом народа - неким началом, определяющим поведение, действия человека, подразумевающим сознание, мышление, психические способности, а также внутреннюю моральную силу, в то время как «образованность», соотносится с высоким уровнем развития различных интеллектуальных способностей (в том числе умения выражать свои мысли посредством языка) и духовных качеств человека.

ФЕ, образно и метко употребляемые в речи различными персонажами пьесы «Грех да беда на кого не живет», передают характер взаимоотношений двух жизненных позиций: позиция представителей простого народа, «стремящегося приобщиться к цивилизации», и позиция «якобы цивилизованной» среды, «а на деле лишенной всякой духовности» [В. В. Тихомиров 2006: 211], сохраняющей лишь внешний лоск культуры.

В рамках нижеприводимого контекста наиболее полно раскрывается противоречие, возникающее в результате столкновения данных позиций.

[Жмигулина]: Он из ихнего круга очень *хороший человек* и очень любит сестру, только все знаете законченность какая-то в ихнем звании. Как хотите сударь, а все-таки он *от мужика недалеко ушел*. А уж этой черты характера *хоть семь лет в котле вари*, все не вываришь. Впрочем, надо правду сказать, он для дому хозяин отличный: *ни дня ни ночи себе покою не знает*, все хлопочет, да бегаёт. И для сестры теперь все, что только бы ей ни пожелалось, даже *последнюю копейку готов отдать*, только бы ей угодить, так что сестра решительно никакого дела не делает, *живет, как барыня*; только одно – обращение его тяжело, да вот еще разговор его нас очень конфузит. Совсем, совсем не такого я Тане счастья ожидала. Судя по красоте ее, да по тому какие люди на нее заглядывались, ей бы в карете ездить. А теперь вот пришлось, чуть ли не *из-за куска хлеба* за мужика идти да перед людьми за него *стыд терпеть*.

Словосочетание с ярко выраженной положительной оценочностью *хороший человек* обладает емкой, глубокой семантикой, вмещающей широкий спектр элементов значения, передающих многообразие духовно-нравственных качеств личности. Интерпретация словосочетания в данном контекстуальном окружении сужает этот спектр: под *хорошим* понимается человек из народа, усердно трудящийся на благо близких ему людей, отличающийся щедростью и поэтому не жалеющий на это дело ни физических сил, ни материальных средств. При этом ФЕ *последнюю копейку готов отдать, ни дня ни ночи себе покою не знает* в рассматриваемом контекстуальном употреблении дополняют и усиливают семантику жертвенности, бескорыстия, выдвигая на передний план трудолюбие, самопожертвование во имя любви как высокие нравственные черты характера этого персонажа.

Яркий контраст в данном контексте создают употребления ФЕ *от мужика недалеко ушел, хоть семь лет в котле вари*, все не вываришь (по отношению к этому свойству личности), *за него стыд терпеть*, передающие подчеркнуто пренебрежительное отношение к человеку из простого народа, выражаемое рядом персонажей пьесы, принадлежащих к среде состоятельных людей (помещиков, приказчиков) «*видевших свет*», т. е. приобщившихся к цивилизации и стремящихся отгородиться от трудового люда, рабочих мужиков. Они демонстрируют свое превосходство над теми, кто не принадлежит к светскому обществу. Это проявляется в снисходительно иронически репликах, обращенных к простолюдинам, включающих такие устойчивые обороты, как фамильярное обращение *мой милый*. Например: [Бабаев:] Вы подумайте только, мой милый, что вы со мной делаете... Но что же я, *мой милый*, здесь буду делать четыре дня? См. также обращение к женщине из простонародья: ...С кем я *имею удовольствие* говорить? (Жмигулиной). В свою очередь Жмигулина произносит реплику, в которой сочетаются просторечная лексика и клише, характерные для речи образованного сословия: А мне ужас как хочется доказать в здешнем городе, какое мы *знакомство имеем*. ...Какая жизнь, помилуйте! В бедности, между такого народа, который *без понятия*... (Бабаеву). Но само выражение *без понятия* употреблено в значении 'быть ограниченным человеком, не иметь представления о культуре'. Употребление персонажами в речи ФЕ подобного рода, также как и ряда ФЕ этикетно-речевых формул, типа *сделайте одолжение, сделайте милость, не угодно ли, к вашим услугам*, стилистически чуждых народной речи и вследствие этого звучащих нелепо, вызывает комический эффект, раскрывая, таким образом, низкий уровень образованности и стремление преодолеть это, скрыть.

Можно выделить ряд антропонимизирующих и глагольных словосочетаний и ФЕ, семантика лексических компонентов которых усиливает общее (фразеологическое) значение принадлежности к светской среде: *добрейшая дама, благородная девица, живет, как барыня, тонкий кавалер* и др. Контекстуальный ана-

лиз этих выражений, однако, позволяет выявить изменения в их семантике, обусловленное концептуальным содержанием пьесы в целом. Так, Жмигулина описывает привычки помещицы Бабаевой, и порядки, устанавливаемые ею в доме: “Ваша мамаша были самая *добрейшая дама* и любили, чтоб у них всем весело было... бывало, даже не любили, чтобы кто-то задумается или книжку читает. Что, говорят, ты *тоску-то нагоняешь!* Ну и бесились все *до упаду*.” В данном контексте употребление ФЕ *нагонять тоску* и *беситься до упаду* в отношении к обороту «добрейшая дама» выражает представление о потребностях и образе жизни помещиков, к которым принадлежит «добрейшая дама» Бабаева. Здесь она изображена как светская женщина, праздно проводящая жизнь в забавах и развлечениях, не проявляя интереса к интеллектуальной деятельности, требующей умственных усилий и способной обогатить духовный мир человека. Более того, она не одобряет склонности к размышлениям, нарушающим веселое, беззаботное состояние. ФЕ *наводит тоску* ассоциируется с интеллектуальной деятельностью – чтением. В процитированном контексте оборот *добрейшая дама* переосмысливается, благодаря тому, что прилагательное *добрейший*, обозначающее в прямом значении высшей степень доброты, здесь утрачивает этот мелиоративный положительный смысл и приобретает ироническое звучание, отражая авторскую оценку персонажа. Слово «дама» (‘представительница так называемой «интеллигенции», обеспеченных городских кругов’), образует семантический контраст со словом «баба» - лексическим компонентом ряда паремий в пьесе, подчеркивая ее чуждость, отдаленность от простонародья. Понятие образованности, воспринимаемое через призму характеров персонажей, чуждых народу, сторонящихся его, и вербализуемое посредством ФЕ, выражающих их презрительное отношение, раскрывается в применении к этим персонажам, показывая их низкий социальный уровень и самомнение, амбициозность.

Чуждость, враждебность находит отражение в ряде паремий, звучащих в репликах действующих лиц – представителей разных сословий: 1) [Краснова:] (Афоне) Вот правда пословица-то: «*С дураком пива не сварить*». Ведь к нам не *ваш брат* лавочник какой-нибудь придет! Барин придет, слышишь ты!; 2) [Курицына] (о Красновой) Кажется, не из *барского роду* взята, а из приказного. Не велика дворянка. *Козел да приказный – бесова родня!*

В приводимых пословицах заключены рождаемая предубеждениями и высокомерием квазиинтеллигенции негативная оценка, даваемая человеку из народа, характеристика его как несознательного, неразумного существа, неспособного самостоятельно логически мыслить и поэтому подверженного влиянию «темной силы», «нечистого духа». С другой стороны, в противоположность названной оценке, человек из народа ценит такие свойства характера, как трудолюбие, деловитость, а также знание своего места в жизни, соответствие своему жизненному назначению, житейскую мудрость: [Краснов:] По-нашему, по-русски: *мужик да собака на дворе, а баба да кошка дома... Девушка гуляй, а дела не забывай!* Не приди нынче за деньгами, так после неделю даром проходишь.

Таким образом, в результате контекстуального анализа и интерпретации ФЕ в рамках пьесы «Грех да беда на кого не живет», обнаруживаются преобразования фразеологической семантики, отражающие низкий интеллектуальный уровень представителей мещанства и чиновничества, желание отгородиться от простонародья и, с другой стороны, - трудолюбие, чувство собственного достоинства, стремление определить свое место в жизни людей из народа. Контекстуально обусловленная трансформация значений ФЕ, способствует реализации идеи чуждости сословий.

Список использованной литературы

1. Ломов А. Г. Фразеологический словарь драматургии А. Н. Островского. Выпуск I. – Ташкент: УЖИРУВЧИ, 1988.
2. Островский А. Н. Собрание сочинений в 10 т-х. Т. 3. Государственное издательство художественной литературы. - М, 1959.
3. Попова З. Д., Стернин И. А. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. – Воронеж: Истоки, 2003.
4. Толковый словарь русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой. - М., 2006.
5. Тихомиров В. В. Драматургия А. Н. Островского в критической оценке П. В. Анненкова // Щельковские чтения 2005. А. Н. Островский: личность, мыслитель, драматург, матер слова: Сборник статей / Науч. ред., сост. И. А. Едошина. – Кострома, 2006. – С, 206-220.

НАРРАТИВНАЯ ОБЪЕКТИВАЦИЯ ОТНОШЕНИЙ АВТОР/ГЕРОЙ В РОМАНЕ М. ШИШКИНА «ВЗЯТИЕ ИЗМАИЛА»

Кучина Т. Г.

Ярославский государственный педагогический университет

Одному из «я»-повествователей (и соответственно, персонажей) романа «Взятие Измаила» автор, М.П. Шишкин, отдает собственное имя. Избегая прямой авторпрезентации, повествователь представляется читателю в несколько приемов: его фамилия выясняется в той части романа, где ведется рассказ о брате Саше («Потом крикнули: “Шишкин!” И его увели») [Шишкин «Взятие Измаила» 2006: 404; далее – ВИ]), имя и отчество – из телефонного звонка на работу («Моя завучесса спросила: “Михаил Павлович, что-нибудь произошло?”») [ВИ: 417]). Традиционно появление реального автора в условном пространстве интерпретируется как указание на относительность границ действительного/ вымышленного и на «природу литературной ил-